

КАТЕГОРИЯ НОРМЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья содержит краткий обзор современных представлений о семантической категории нормы в русской и зарубежной лингвистике. На основании междисциплинарного подхода к исследованию нормы обосновывается мысль о том, что анализ этой категории в трудах по лингвистической семантике развивается в направлениях, соответствующих основным элементам нормативной оценки и соотносимым с ними разновидностям или разделам научных дисциплин.

Ключевые слова: оценка, норма, семантическая категория.

Исследования нормы как категории сознания, отраженной в семантике языковых единиц, осуществляются в тесном взаимодействии лингвистики с философией и модальной логикой, вследствие чего в лингвистических исследованиях отразились свойства логики представления о норме как о разновидности оценки, т. е. как особого рода отношении между мыслью и действительностью. В любой ситуации оценки, с точки зрения логики, можно выделить следующие части, или компоненты: 1) субъект оценки – лицо, приписывающее ценность некоторому объекту; 2) предмет оценки – объект, которому приписывается ценность...; 3) основание оценки – явление или предмет, с точки зрения которого производится оценивание [1, с. 163–164]. Представления об этих компонентах в той или иной степени свойственны и лингвистическим исследованиям нормы.

В лингвистике категория нормы исследуется в трех основных аспектах: 1) как основание оценки (лого-философский аспект); 2) как одна из составляющих модальной рамки (прагматический аспект); 3) как составной элемент семантических категорий градуальности, интенсивности, предельности (количественный аспект). Каждый из подходов характеризуется преимущественным вниманием к той или иной составляющей нормативной оценки. Логико-философское исследование нормы требует анализа понятия, лежащего в основе и нормативной оценки. Для прагматического аспекта характерно внимание к субъекту оценки и связанным с ним модусам. Наконец, количественный аспект исследования нормы ориентирован преимущественно на оценку параметров ее объекта. Все три аспекта взаимосвязаны и дополняют друг друга.

При описании **основания нормативной оценки** может быть использован анализ лежащего в ее основе концепта (см., напр.: [2]), а также характеристика места нормативной оценки среди других видов оценок. В лингвистических исследованиях с оценочной семантикой обычно связывают так называемую общую оценку, отражающую положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи и реализующуюся в языке с помощью прилагательных *хороший* и *плохой* или их синонимов. В отличие

от общеоценочных, *частнооценочные* значения дают «оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения» [3, с. 198], выбор которой обусловлен разновидностью оценочного значения. Одной из таких разновидностей является нормативная оценка, отраженная словами *правильный – неправильный, здоровый – больной* и т. п.

Противопоставление эмоциональной и рациональной оценки можно рассматривать как «две разные стороны отношения субъекта к объекту», подразумевающие «первая – его чувства, вторая – мнения» [4, с. 42] (ср.: *Какой потрясающий спектакль! и Спектакль ему понравился*). По мнению В. Н. Телия, в основание рациональной оценки «положен принцип нормы как “идеального” состояния объекта оценки», в то время как в другом типе оценки «доминирует эмоциональное начало» [5, с. 22]. Рациональная оценка противопоставлена также оценке с е н с о р н о й (гедонистической), однако и в этом случае нормативность рассматривается как один из принципов, на которые она опирается [3, с. 528].

В модальной логике принято деление оценок по характеру основания на *сравнительные* и *абсолютные* (в число которых входят и нормативные). Впервые обратил внимание на отраженное в семантике языковых единиц противопоставление двух типов оценок русский лингвист Н. К. Дмитриев. Исследуя значения степеней сравнения прилагательных, он отметил, что в языке «существуют два типа сравнения: 1) конкретный, где сравнение качества связано с сопоставлением предметов, и 2) абстрактный, где сравнение качества производится... при помощи теоретически подразумеваемой идеальной нормы» [6, с. 83].

Семантика сравнительной оценки в сопоставлении с абсолютной (нормативной) наиболее полно исследована на материале форм сравнительной степени прилагательных и наречий (см., напр.: [7, т. 1, с. 65–67], [8, с. 70]). Эти исследования позволили сделать следующие выводы о способе выражения двух типов оценок: «Поскольку объект может быть оценен только при сравнении с другими объектами (так, мы говорим, что дом большой, сравнивая его с другими домами, фильм интересный – сравнивая с другими

фильмами и т.п.), предполагается, что за исходное должна быть взята сравнительная оценка. Таким образом, абсолютная оценка оказывается более сложной по семантике, чем сравнительная. Между тем... в естественном языке... именно абсолютная оценка воспринимается как исходная. Абсолютные оценки выражены более простым способом, чем сравнительные, и представляются элементарными по форме; ср.: красивый – более/менее красивый» [4, с. 15–16].

В то время как для выражения сравнительной оценки используются преимущественно соответствующие формы прилагательных и наречий (напр.: *Иван выше ростом и бегаёт быстрее Петра*), семантика нормы в признаковых словах выражается главным образом при помощи параметрической лексики (*слов наподобие большой, быстро и т. п.*). Как установил немецкий лингвист М. Бирвиш, этот класс слов выделяется на том основании, что «прежде всего фиксирует отклонения от нормы... Параметрические прилагательные выражают только факт наличия нормы, нормативность, составляющую общее свойство восприятия действительности человеком» [3, с. 68]. Именно это свойство характеризует нормативную оценку как абсолютную.

Таким образом, норма в качестве основания оценки может быть охарактеризована с разных точек зрения: как разновидность частной оценки и как одно из оснований рациональной оценки, противопоставленной, с одной стороны, оценке эмоциональной, а с другой – сенсорной. Кроме того, норма благодаря своему отвлеченному характеру способна служить основанием абсолютной оценки, противопоставленной оценке сравнительной.

Попытки охарактеризовать норму через лежащий в ее основании научный концепт столкнулись с трудностями, вызванными, с одной стороны, недостаточно высокой степенью теоретического осмысления данного понятия, а с другой – особенностями его представления в языке. Так, в частности, разные исследователи понимают под нормой «либо обычное, не отклоняющееся от среднего положение вещей, либо то положение вещей, которое является естественным для данной ситуации и воспринимается как должное, так что его отсутствие идет вразрез с ожиданиями потенциальных участников ситуации» [7, с. XXXIII]. Нормальным при этом может признаваться, «во-первых, узаконенный, требуемый (в частности, обществом) порядок вещей, а во-вторых, – обычный, повседневный, не привлекающий к себе внимания» [12, с. 153]. При этом «очевидно, что русское слово *норма* указанного значения не имеет» и представляет собой «слово неопределяемое» [7, т. 1, с. 74], а понятие нормы в каждом конкретном случае не может быть охарактеризовано точнее, чем «неопределяемое оценочное понятие» [9, с. XXXIII].

Прагматический аспект исследования нормы представляет ее как элемент модальной рамки

(субъективного модуса), относящийся к сфере субъекта нормативной оценки. Модальная рамка – это «часть значения лексемы (или другой языковой единицы), в которой фиксируется оценка предмета сообщения со стороны говорящего или – реже – слушающего» [9, с. XXXI].

Связь некоторых типов субъективной модальности с представлениями о норме отмечалась неоднократно. Так, в частности, по наблюдениям Н. Д. Арутюновой, «концепт нормы соотносится с модальностями долженствования, необходимости, вероятности» [2, с. 7]. Е. М. Вольф выделила класс модальностей, «содержащих в своих модальных рамках представления о нормативных связях вещей и отклонениях от них и о нормальном ходе событий. К этому классу относятся модальности “оценки”, “странности”, “удивления”, “неожиданности” и, вероятно, ряд других» [10, с. 128].

О. В. Латина связывает с нормой «зону объективно-субъективной модальности», включающую в свой состав рационально-оценочную и деонтическую модальность, различающиеся характером и сферой применения действующих в них норм. Так, в частности, рационально-оценочная модальность основывается «на соответствии объекта некоторой усредненной норме, принятой обществом для бытия данного типа объектов» [5, с. 156], лиц, предметов или явлений. В отличие от нее, деонтическая модальность «указывает на соответствие действий и воздержания от действий нормам поведения, принятым в данном обществе» [5, с. 154–155], а также «на квалификацию субъектом речи некоторого действия... как запрещенного, обязательного или дозволенного с точки зрения его соответствия нормам кодекса, морали, этических и социальных нормативов» [5, с. 156].

С характером и содержанием модальностей связаны и особенности представления о нормах у разных исследователей. Так, в частности, Н. Д. Арутюнова соотносит с модальностью вероятности среднестатистические нормы, с модальностью необходимости – законы мироздания, с модальностью долженствования – нормы, действующие в человеческом обществе [2, с. 7]. Е. М. Вольф полагала, что из «бесконечного множества» субъективных модусов с нормой связаны лишь те, которые вызваны субъективной реакцией говорящего на необычность явления, например, модальности “неожиданности”, “странности” и “удивления” [10, с. 128]. При таком подходе одним из основных признаков нормы признается стереотипность: «Норма отражает признаковые характеристики стереотипа оцениваемого объекта» [3, с. 54]. В. Н. Телия считает, что рационально-оценочная модальность связана с «критерием нормы (характерной для данной картины мира)» и по этому признаку противопоставлена эмотивной, поскольку эмоционально окрашенные компоненты значения «оперируют стереотипом, но не стандартом» и семантику нормы не выражают [5, с. 21].

Необходимо отметить и попытки установить связь между некоторыми видами языковой модальности, выражающей отношение к норме, и модальностью логической. Так, в частности, в модальной логике наряду с прочими выделяются такие виды модальности, как «необходимо» и «возможно». Логика высказываний, содержащих модальности необходимости и возможности, называется алетической модальной логикой. В силу присущего алетическим модальностям элемента долженствования и нормативности они стали сопоставляться с модальностями деонтическими, исследуемыми логикой долженствования (логикой норм). Лингвисты, изучающие особенности реализации этих видов модальности в языке, отмечают, что они различаются сферой применения: в то время как «алетическое долженствование связано с объективными потенциями реального мира, деонтическое – с нормативным и ненормативным поведением. Алетическое долженствование можно рассматривать как аналог логической необходимости» [11, с. 15], проявляющейся в разных сферах бытия, в то время как деонтическое долженствование присутствует только в сфере социальной жизни. Выделяемые в соответствии с этими типами модальности разновидности норм также обладают определенной спецификой. В силу того, что алетические нормы не устанавливаются искусственно, но лишь отражают объективные закономерности (тенденции) реального мира, оцениваемый с их точки зрения признак может обладать той или иной степенью градации. В отличие от «усредненных» алетических норм деонтические нормы имеют строго определенные границы. В понятие деонтической нормы «включаются нормы кодекса, морали, этики, а также разного рода социальные правила и нормативы» [5, с. 148]. Благодаря предписывающему, а не отражательному характеру деонтических норм, объектом их оценки является не степень реализации нормы, а сам факт ее соблюдения или несоблюдения. Благодаря этому деонтические нормы не могут быть представлены как условная точка на шкале развития признака. Скорее, они представляют собой некую область со строго определенными границами, любое нарушение которых расценивается как нарушение нормы.

Тематика субъекта нормативной оценки не ограничивается проблемами характеристики форм субъективной модальности. Так, в частности, отмечается, что «в естественном языке два субъекта – тот, с точки зрения которого производится оценка, и субъект, для которого предмет имеет ценность, – явным образом различаются» как субъект оценки и субъект пользы – бенефициант (4, с. 74); не решен вопрос об источнике (авторитете) нормы и т. д.

Количественный аспект семантики нормы предполагает ее исследование в связи с категориями градуальности, интенсивности и предельности и ориентирован на измерение параметров предмета норма-

тивной оценки. Будучи рассмотренной в количественном аспекте, норма характеризуется как нулевая система измерения по шкале градаций, по отношению к которой осуществляется упорядочивание (градуирование) качественного признака [12, с. 156].

С этой точки зрения, «в зависимости от предмета оценки можно говорить о физической (объективной) норме, с одной стороны, и утилитарной, этической, эстетической, логической, социальной, религиозной и других нормах – с другой. Физическая норма устроена среднестатистически», т. е. ее предмет обладает свойством градуируемости, в то время как нефизические «имеют в значительной мере идеальный характер – это своего рода эталоны, образцы, абсолютные идеи вещей» [9, с. XXXIII–XXXIV].

Одним из первых, в 30-е гг. XX в., отметил связь нормы, отраженной в семантике языковых единиц, с категорией градуальности американский лингвист Э. Сэпир. Установив зависимость лексического значения слова от психологических и логических факторов, Э. Сэпир продемонстрировал соотносимость понятийной категории градуальности с грамматической категорией степеней сравнения прилагательных и наречий, с одной стороны, и с лексической категорией антонимии – с другой. Согласно его теории, норма степени проявления признака соответствует определенной точке или участку на шкале градуируемых значений [13].

Одновременно исследовалась связь категории градуальности и связанной с нею нормы с лексической антонимией. В частности, Л. Хеллер и Дж. Макрис (1967) отметили, что если обозначенные антонимами признаки допускают градуирование, «между двумя полюсами признака, именами которых являются соответствующие антонимы, всегда возможен средний (нулевой) член», принимаемый за норму. Таким образом, «норма есть то общее, что объединяет антонимы: так, в основе *hot* и *cold* лежит общий параметр: температура – отклонение от некоего стандарта. Аналогичным образом, в основе *hard* и *soft* лежит общий параметр: тактильность – отклонение от некоей нормы» [7, т. 1, с. 285].

В русской лингвистике интерес к количественному аспекту нормы, отраженной в семантике признаков слов, возник в 70-е гг. XX в. Так, в частности, было отмечено, что русские параметрические прилагательные «выражают степень признака с постоянным усилением/ослаблением по отношению к норме» [14, 171], а также то, что «для параметрических слов норма находится в середине шкалы (*большой дом* значит выше среднего размера), в то время как для качественных общеоценочных слов *хороший/плохой* норма связана с ориентацией на определенные стандарты, включающие требования, которые предъявляются к объектам» [4, с. 54]. Норма для качественно-оценочных (параметрических) прилагательных, образующих антонимические пары (напр.: *большой* –

маленький), располагается в срединной части градуальной шкалы и представляет собой «нулевую степень качества». Это позволяет рассматривать норму в связи с категорией антонимии: «Слова становятся антонимами благодаря оценочному, ориентированному относительно точки отсчета, нормы характеру своего значения» [15, с. 11]. В качестве языкового показателя градуируемости называется способность лексем, обозначающих градуируемые свойства, «иметь атрибуты типа *очень, весьма, немного, чуть-чуть* и т. п. и образовывать степени сравнения» [9, с. XXII].

Семантика нормы исследовалась при анализе смежных с градуальностью категорий предельности и интенсивности. В частности, норма, выражаемая глагольными производными с префиксами ДО-, НЕДО- и ПЕРЕ-, была представлена как «такая разновидность предела глагольного действия, которая наряду со значением исчерпанности действия, свойственным любому виду предела, включает также момент оценки с точ-

ки зрения должного» [16, с. 9]. Обозначен подход к исследованию предельности прилагательных с учетом включенной в их семантику «идеи нормирования» [7, т. 2, с. 623–624]. Исследования количественного аспекта нормы стимулировали интерес к изучению семантической категории интенсивности, которую изначально связывали «не с любой количественной квалификацией явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от «нормальной» меры, т. е. от зоны нормативности» [17, с. 56].

Обзор работ, посвященных исследованию семантической категории нормы, показал, что представления об этой категории у разных исследователей имеют множество общих черт, но в то же время обладают и рядом различий, обусловленных спецификой анализируемого материала и особенностями подхода к его изучению. На наш взгляд, это свидетельствует о необходимости поиска новых и более общих оснований для исследования категории нормы.

Список литературы

1. Ивин А. А. Основы теории аргументации. М.: Гуманит. издательский центр ВЛАДОС, 1997. 352 с.
2. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. Телия В. Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. 215 с.
6. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 296 с.
7. Апресян Ю. Д. Избр. тр.: в 2 т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
8. Князев Ю. П. О семантике степеней сравнения прилагательных // Учен. зап. Тартусского ун-та. Тарту, 1980. Вып. 524. С. 68–85.
9. Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М., 2003. С. XVIII–XLIX.
10. Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка: Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 124–143.
11. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Концепт долга в поле долженствования // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 14–21.
12. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб: Наука, 2005. С. 150–168.
13. Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 43–78.
14. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин: Валгус, 1983. 216 с.
15. Новиков Л. А. Антонимия и словари антонимов // М. Р. Львов. Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1978. С. 5–27.
16. Ефанова Л. Г. Норма как разновидность предельности глагольного действия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995. 19 с.
17. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.

Ефанова Л. Г., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: stylistica@tspu.edu.ru

Материал получен редакцией 18.05.2010

L. G. Efanova

THE CATEGORY OF NORM AS AN LINGUISTIC OBJECT

The article contains a short survey of modern notions about semantic category of norm. In the article is motivated the idea of this category as studying in linguistic in the directions, that are in accordance with three main elements of norm estimation (the base, the subject and the object of estimation).

Key words: *estimation, norm, semantic category.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.

E-mail: stylistica@tspu.edu.ru